АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

Она действительно нам мешает жить...

(О западной концепции “прав человека” в её исторической практике)

Начнем со статьи Наталии Жариновой *“Она мешает нам жить! (Размышления о российской Конституции-93)”*, опубликованной в газете “Час Пик” № 35 от 12.03.97. Анализируемая статья начинается словами:

«Неладно что-то в российском государстве. Регионы хотят свободы, Центр добивается единства, а в результате обе стороны остаются при пиковом интересе. Почему же это происходит? Россия — федеративное государство. Мы имеем вроде бы замечательную Конституцию, да ещё и прямого действия. Так что же нам мешает жить мирно и спокойно в соответствии с Основным законом, а не проводить время бесконечно деля власть между Центром и регионами, наблюдая с завистью, как некоторые из них уже поделили и уже почти «конституционно» зажили своей отдельной жизнью?»

Далее следуют пять колонок текста, в котором сравниваются между собой, а также и с российской, конституции еще двух федеративных государств (США и ФРГ) на предмет выявления отличий в регулировании отношений региональных властей и федерального центра.

Суть различий сводится к тому, что в США однозначно разграничено, какие вопросы принадлежат к компетенции федерального центра, а какие к компетенции властей региона: либо — либо. При этом начисто отсутствуют вопросы, лежащие в совместной компетенции, решение которых требует согласованной деятельности в течение некоторого времени центральных и региональных властей.

В ФРГ также, как и в США, Конституция предусматривает вопросы, лежащие исключительно в ведении федерального правительства и вопросы, лежащие исключительно в ведении властей земель (субъектов федерации, т.е. регионов ФРГ). Но кроме них предусмотрена и область юрисдикции «конкурирующей компетенции». Суть последнего сводится к тому, что если некий регион принял закон по какому-то вопросу раньше, чем это успела сделать центральная власть, то в случае принятия центральной властью закона по тому же вопросу, он действует только в тех землях Германии, где местные власти не успели до того принять своего закона; где успели, — там сохраняется действие продукта местного законотворчества.

Центральная власть может отменить действие местного закона только, если он нарушает интересы какой-либо иной из земель, входящих в состав федерации, или же интересы ФРГ в целом. Кроме того в ФРГ не допускается издание законов земель «в соответствии с федеральным законом, определяющим общие принципы» (цитата из Конституции РФ): то есть либо федеральный, либо земельный закон, но один из двух должен конкретно определить все нормы и процедуры в отношении разрешения тех проблем, о которых в нём идет речь. Иными словами, в ФРГ по существу тоже нет вопросов, лежащих в совместном ведении федерального центра и местных властей.

Иначе говоря, везде стараются изжить из законодательства принцип «У семи нянек — дитя без глазу», дабы избежать безответственности, круговой поруки, конфликтности политики, осуществляемой разными уровнями иерархии власти, и обеспечить тем самым полноту, единство и преемственность управле-

ния (административного и судебно-арбитражного) в отношении каждого из конкретных вопросов, с которыми сталкивается общество.

В России же наряду с вопросами, находящимися в исключительной компетенции либо Центра, либо региона[1], есть еще и круг вопросов, в соответствии с Конституцией, пребывающих в совместном ведении федерального Центра и регионов. При этом во многих случаях не разработаны ни функционально целесообразные нормы, ни работоспособные процедуры передачи "эстафеты власти" от Центра к регионам и от регионов к Центру в *процессе* решения ими вопросов, выделенных Конституцией в их совместное ведение. Естественно, что это порождает "вакуум законной власти", в котором процветает своекорыстный чиновничий беспредел, взаимно исключающие одно другие решения, однако одновременно проводимые в жизнь, и т.п. административные и судебно-арбитражные неурядицы.

Всё казалось бы ясно, и от этого необходимо избавиться, разрешив неопределенности и конфликты регионального и центрального уровней власти в РФ либо на принципах, выраженных в конституции США, либо на принципах, выраженных в конституции ФРГ, тем более, что сами по себе эти принципы не выражают особенностей национального характера какого-либо народа, а обеспечивают в системе государственного управления исключение ситуации «у семи нянек — дитя без глазу».

Последнее необходимо всем: хоть в унитарном, хоть в федеративном, хоть в конфедеративном государстве, хоть в монархии, хоть в республике. В каждом из них, вне зависимости от обширности территорий (города-государства класса Монте-Карло не в счет), есть центральный и региональный (местный) уровни власти, которые должны работать согласовано, чтобы обеспечить целостность общественной жизни, культуры, народов, хозяйственной деятельности. Вопрос только в том, какие законодательные нормы способны обеспечить в конкретных общественных условиях общественно полезную эффективность государства лучше чем другие, а какие не способны обеспечить этого в принципе.

Но действительно ли главная причина внутренних конфликтов и "вакуума власти" и взаимно исключающего многовластия в России наших дней в этой неопределенности норм и процедур осуществления в жизни принципа «совместного ведения центра и регионов», заложенного в Конституции 1993 года? или же столь нежизненное законодательное выражение и осуществление принципа «совместного ведения» в государственной деятельности — всего лишь видимое следствие иных, скрытых причин, которые остаются вне обсуждения и в прессе, и в органах власти как в Центре, так и на местах?

По нашему мнению именно последнее и имеет место: т.е. некие иные конфликты нашли свое выражение в Конституции 1993 года и во всём остальном законодательстве. В частности ими и обусловлены неопределенности принципа «совместного ведения», неопределенности норм и процедур его реализации в повседневной жизни общества и структур государства.

Дело в том, что на законодательство в целом (и конституцию, как его составную и главенствующую часть) возможны два воззрения, далеко не всегда бесконфликтно совместимых друг с другом как в психике отдельного человека (члена общества — объекта и субъекта права), так и в самом законодательстве и в практике его осуществления в жизни.

---

[1] *Плюс к тому не изжито "телефонное" право и решение домашних и региональных проблем через личные связи.*

Первый — чисто *профессиональный управленческий*, административно-мэнэджерский, чиновничье-аппаратный в хорошем смысле этого слова: *Законодательство — свод стандартных алгоритмов (процедур) управления, позволяющих без приложения творческих усилий (автоматически) быстро (а значит и своевременно) решать многие задачи государственного управления и бизнеса при повседневной деятельности (прежде всего вне чрезвычайных жизненных обстоятельств).*

Иными словами, законодательство — основа хорошей бездумности и автоматизмов управления в том смысле, что применение его стандартных норм и процедур позволяет администратору, чиновнику, предпринимателю, мэнэджеру высвободить время и творческий потенциал из под бремени повседневной суеты и осмысленно направить его на решение действительно жизненно полезных задач.

Второй — взгляд эгоиста-прагматика, по существу претендующего жить на всём готовом за счет окружающих: урвать сегодня, а завтра — хоть трава не расти: *Законодательство — своего рода "карта линий фронтов" в войне всех против всех, которую ведут друг против друга в своих "житейских" интересах каждое из множества физических и юридических лиц, составляющих общество и его государственные и прочие институты.*

Когда эта война носит затяжной позиционный характер, в силу чего "линии фронтов" малоподвижны, то законодательство становится идолом-арбитром в спорах между собой всего множества участников конфликтов. Но поскольку идол сам по себе — безжизненное создание людей, то от имени идола вещает "истину" (и этим кормится) "независимая" армия легитимных (т.е. имеющих сертификат на такого рода деятельность) "служителей закона", а остальные граждане обязаны пребывать в состоянии рядовых идолопоклонников.

Соответственно возможны и два взаимно исключающих один другой идеала "правового государства". С точки зрения профессионально управленческой: жизнь на поле юридической войны всех против всех — предел человеческого бесправия. С точки зрения второй: нестандартное управленческое решение, возможно более эффективное и полезное чем стандартное, — противоправный акт, оно незаконно и подлежит отмене, так как нарушает законные права кого-то в его войне против всех остальных; а проявивший творческую инициативу управленец, благодаря которому что-то в жизни стало лучше, чем могло быть при следовании законодательству, подлежит наказанию.

Практически в законодательстве и повседневной юридической и административной практике его применения в каждом из государств находят выражение оба взгляда одновременно, хотя в его жизни преобладает какой-то одни из них.

Однако, в некоторых исторически обусловленных условиях общество, а его властные слои в особенности, оказываются в таком состоянии, что "на карте линий фронтов" появляется еще несколько "фронтов" борьбы. Но это уже фронты борьбы не множества разобщенных эгоистов против всех, а фронты борьбы "за общее дело", ведущейся более-менее структурно организованными и дисциплинированными корпорациями разного рода. На фронтах борьбы "за общее дело" протекают конфликты между сторонниками первого и второго взгляда на законодательство, а так же и конфликты среди сторонников первого взгляда, однако не согласных между собой во мнениях по вопросам:

Во-первых, *куда именно (т.е. куда конкретно) "рулить"?*

Во-вторых, *какими средствами "рулить"?*

Об этих вопросах, действительно насущных в политике и экономике всякого государства, многие его простые жители и не подозревают. Так, хотя со

школьных времен все россияне знают басню «Однажды лебедь, рак да щука вести с поклажей воз взялись и вместе трое все в него впряглись...», тем не менее они предпочли многопартийную политическую систему вместо того, чтобы навести порядок в одной *правящей партии специалистов — профессионалов-управленцев*. После того как многопартийная система начала действовать, все могут убедиться в мудрости, выраженной и в застойном анекдоте: *«Почему в СССР только одна партия? — А больше партий нам не прокормить.»*

Но и многие из подозревающих о существовании упомянутых вопросов не относят их к своей компетенции: «я — человек маленький...»

Для большинства обывателей, не осознающих первых двух вопросов, а так же и для многих политических “лидеров”, также не всегда знающих «куда и какими средствами “рулить”», тем не менее очень часто представляется наиболее важным другой вопрос: *Кому именно “рулить”?*

И на каждых выборах, начиная с 1991 года, россияне борются за то, чтобы навязать всем остальным свой ответ на него. Однако все они не задумываются о необходимости прежде того, хотя бы себе, ответить на два других вопроса: после ответа на них и рассмотрения личностей претендентов на право “рулить”, может выясниться, что все они намереваются рулить “не туда”, “не так” и потому самое разумное — не оказывать никому из них никакой поддержки (как временному правительству в 1917 г.) и, не ходя на выборы, целеустремленно работать над созданием механизма осуществления альтернативной власти, в которой никто не сможет прийти “порулить” прежде, чем убедительно не ответит на вопросы «куда» и «как» он будет рулить, и тем самым не обретет поддержки в обществе.

В итоге борьбы разнопартийцев за навязывание обществу взаимно исключающих ответов на вопрос «кому рулить?» застой в СССР сменился его распадом и непреходящим экономическим спадом и общественным кризисом на всей территории бывшей сверхдержавы № 2, что попунктно соответствовало целям и средствам осуществления внешней политики сверхдержавы № 1, выраженным в Директиве её совета национальной безопасности 20/1 от 18 августа 1948 г[1]. Этот результат оказался для многих благонамеренных безумцев обескураживающим, поскольку в Западных демократиях уже несколько десятилетий (а кое-где и столетий) население более или менее активно отвечает на выборах на вопрос «Кому “рулить”?» и повсеместно всё идет более менее нормально, без общественных катастроф. Это обстоятельство и несовпадение результатов с прошлыми демократически-многопартийными вожделениями безумцев приводит к следующему вопросу: В чём разница между Западом и Россией?

А разница в том, что и в США, и в ФРГ и в прочих “демократиях” Запада не дискутируются вопросы куда и какими средствами “рулить”, а тем более следует ли куда и как круто поворотить? При этом каждый новый властитель и его команда “рулит” туда же и теми же средствами, что и их предшественники. То есть вне зависимости от того, кому избиратели доверят “рулить” (включая даже доверие и Гитлеру, некогда добившемуся реальных успехов на вполне демократических выборах), решительных отклонений от генерального курса не будет; вопрос только в том, насколько комфортно и безпроблемно будет продвижение по генеральному политическому курсу поддержания и *расширения до глобальных масштабов* того общественного уклада, который в прошлом в наших учебниках назывался «капитализмом», «неоколониализмом», «империализмом».

---

[1] Обширные выдержки из неё приведены в книге «ЦРУ против СССР» Н.Н.Яковлева, неоднократно издававшейся с начале 1980-х гг.

У нас же всё иначе. СССР в эпоху “развитого социализма” не был идеологически монолитным обществом, в котором преобладало мнение о необходимости и дальше “рулить” в направлении “коммунизма”. Этого господствующего мнения просто не могло быть, поскольку даже искренне убежденные идеологи партии (имеются в виду не лицемеры вроде А.Н.Яковлева), а не то чтобы большинство населения, не имели конкретного понятия о том, что же это такое “коммунизм”? на какой нравственно-психологической основе и как реальное общество, в котором они живут изо дня в день, во-первых, может стать “коммунистическим”, а во-вторых, устойчиво существовать при смене поколений подобно тому, как существует “капитализм”? Что конкретно можно, и что конкретно недопустимо делать каждому из них в повседневности для того, чтобы “социализм” в СССР стал наконец не декларативным, а жизненным и *естественноисторическим* образом преображающимся в “коммунизм” — счастье земное для всех?

Вместо определенных мнений о переходе к “коммунизму” и пребыванию в нём, вынесенных из глубокого понимания текущей жизни всех и прошлой истории, своего личностного каждодневного поведения в снах, мыслях и делах, — были только обильные оторванные от жизни слова о всепобеждающем учении основоположников марксизма. Сам марксизм был при этом возведен в ранг несомнительной объективной истины, критика которой *объективно невозможна* и потому просто неуместна, будучи злым умыслом или явным выражением помрачения ума.

По этой причине оторванности слов от жизни и референдум 1991 года о дальнейшей судьбе СССР не смог бы выявить обоснованной жизнью статистики ответов на вопросы «куда “рулить”?», «какими средствами “рулить”?», даже если бы его организаторы набрались мужества поставить вопросы прямо:

“Капитализм” или “социализм” с перспективой “коммунизма”?

Единое государство союзных народов либо разделение на множество государств?

В случае ликвидации единого государства: государственное разграничение по существующим административным границам регионов СССР либо размежевание границ по-новому, и сопутствующие каждому из вариантов размежевания конфликты вплоть до возможности интенсивных войн?

Но на эти вопросы и в России наших дней нет однозначно определенного “само собой” разумеющегося ответа, который бы выражался в делах текущей политики. Тем не менее, вне зависимости от отсутствия гласного или молчаливого само собой разумения ответов на эти вопросы, общество продвигается в неизвестном для подавляющего большинства направлении по карте “географии” возможных и *невозможно вожделенных* вариантов политических систем и общественных укладов жизни людей и их хозяйственной деятельности.

В России наших дней возможно *пробовать* “рулить”: в “капитализм”, как в Европе; в “капитализм”, как в Юго-Восточной Азии; в “капитализм”, как в России до 1917 г.; в Советский Союз, каким он был под властью троцкистско-ленинской “гвардии”; в Советский Союз по завершении декабрьского 1952 г. пленума ЦК, состоявшегося по завершении XIX съезда КПСС; в Германию после 1933 г.; ... к Богодержавию (Царствие Божие на Земле[1]); а так же в другие, имеющие меньшее количество сторонников пункты на “географической” карте извест-

---

[1] *«Да будет воля Твоя и на земле, как на небе...»*

ных из истории и предполагаемых вариантов политических систем[1] и жизненных укладов.

И сторонники каждого из определенных ответов на вопрос «куда и как рулить?» деятельно работают во всей преобразующейся с 1991 г. в России системе власти. И в нынешних Думе, Федеральном правительстве, местных органах, прессе и TV, все они действуют, манипулируя массовкой тех, кто не дает себе труда определиться во мнениях о том, куда и какими средствами “рулить”.

Деятельность каждой из групп сторонников определенного ответа на вопросы «куда “рулить”?» и «какими средствами?» находит свое выражение в порождаемом ими совместно общем для всех жителей России законодательстве. Если на него смотреть с первой точки зрения - как на свод норм и процедур управления, - то оно противоречиво именно потому, что предписывает одновременно “рулить” одним и тем же объектам по разным генеральным курсам с употреблением взаимно исключающих средств. Вследствие этого законодательство и представляет собой “карту линий фронтов”, на которой мелкие бытовые конфликты граждан и споры о прибыли частных фирм в сфере бизнеса, подобны детской игре в войну, протекающей однако не в “песочнице”, а *на поле реального боя* сторонников различных концепций экономической и социальной политики государства (а также и различных типов государственности и общественного уклада жизни людей); причем некоторые из концепций объективно обладают глобальной значимостью, по какой причине всё с ними связанное затрагивает интересы не только простых россиян и политиков России, но и интересы тех, кто осуществляет вполне реальную *международную, надгосударственную власть*.

Естественно, что *пока какая-то одна из многих точек зрения по вопросам куда и как “рулить” в обществе и в органах государственной власти не возобладает над прочими (с нею несовместимыми)*, конфликты концепций будут находить свое выражение и в сфере органов государственной власти. И Наталия Жаринова пишет:

«Конфликт между Центром и регионами усиливается.

Решение этой проблемы в изменении Конституции. Пора не только признать, что она нехороша, но начать действовать. Прежде всего необходимо изменить способ, которым разграничены предметы ведения Федерации и субъектов. Нужно дать субъектам Федерации возможность самостоятельно решать все вопросы местного значения. А главное — дать им возможность урегулировать все эти отношения полностью, руководствуясь здравым смыслом, а не «общими принципами», провозглашенными из Центра. Федеральные законы и законы субъектов Федерации должны не дублировать, а дополнять друг друга. Для этого нужно изменить принцип издания законов по предметам совместного ведения, приняв за основу, например германскую модель, где ранее изданный закон полностью регулирует соответствующие отношения, независимо от того, федеральный это закон или закон отдельной земли. Можно вообще избавиться от понятия совместного ведения, как это сделано в США. Главное — разрешить наконец конфликт властей разного уровня, не порождая при этом новых проблем и противоречий.[2]»

---

[1] *Но если не иметь определенного мнения по названным вопросам и не поддерживать его текущей политикой государства и личным поведением каждого из граждан в повседневности, то в одно мрачное утро возможно проснуться в России — колонии “развитых” стран, правящая над которыми “элита” не имеет неопределенностей во мнениях, как ей рулить к безраздельному мировому господству.*

[2] *Но в условиях России законодатели, в своем большинстве не понимающие взгляда на законодательство как на свод стандартных алгоритмов управления, способны передраться и в споре*

Этим пожеланием и завершается комментируемая нами статья. Однако оно несбыточно при сохранении в обществе и в структурах власти господства “плюрализма *определенных* мнений” и *отсутствия вообще* мнений по вопросам «куда и какими средствами “рулить”». Поэтому нынешняя Конституция России вовсе не плоха, как думают многие. Она хороша именно тем, что в неразберихе управления на её основе, каждый, даже сам того не желая, всем окружающим показывает своими делами, а также и их отсутствием, свое истинное лицо либо мурло: в зависимости от того, в чём и как он соучаствует.

Она хороша именно в качестве конституции *переходного периода от прошлого застоя СССР к пока еще неизвестному будущему общественному строю России*, который сложится в результате сознательных и бессознательных усилий всех её граждан; включая и тех, кто придерживается самооценок «я человек маленький, от меня ничего не зависит», поскольку возможности добрых и злых, из числа тех, кого “маленькие” считают “большими”, обусловлены отношением к жизни и поведением в повседневности именно каждого из множества “маленьких” людей.

Так, более 95 % “маленьких” людей пошли и заплатили по 25 рублей за “ваучер” (“чубайс”) и пошло, поехало... А если бы 95 % “маленьких” людей не пошли бы и не заплатили по 25 рублей за “толькину грамоту”, как тогда бы 1 % от населения — элита “больших” демократизаторов и “новых русских” — придала бы видимость законности своим аферам и крутила бы в них государственные деньги, обирая до нитки эти более чем 95 % населения “маленьких” людей? — Не во все места, куда активно зазывают, следует ходить; как и не всё из того, к чему призывают, следует делать.

Идеологическая обработка масс обильным наукообразным пустословием — характерная черта застоя и горбачевской перестройки и она не сохранила СССР; нагнетание благодушных или агрессивных эмоций, но одинаково не подкрепленных прикладными знаниями экономики и социологии, а также и знаниями психологической обусловленности поведения людей в обществе — характерная черта эпохи “реформ”. И нагнетание бессмысленных эмоций также неспособно сохранить “демократическую” Россию наших дней.

Поэтому, чтобы будущее России в очередной раз не оказалось неприемлемым для её населения, следует забыть на некоторое время об “идеологизированных” словах (“капитализм”, “социализм”, “коммунизм”), которые предназначены для сокрытия смысла реально проводимой политики и потому стали бессмысленными сами по себе знаками. Реагируя на эти, пустые словесные символы, люди, принадлежащие к разным по партийно-политической ориентации общественным группам населения, впадают кто в возбуждение, кто в безучастность, и в таком состоянии перестают понимать всё прошлое, ныне происходящее, а также и *разнообразные* возможности дальнейшего течения событий, из множества которых - в качестве зримо преобладающей - осуществится только одна[1]; другие же, упущенные в прошлом и в настоящем возможности, будут либо безвозвратно изжиты, либо будут ожидать нового благоприятного для них стечения жизненных обстоятельств. Следует заблаговременно избрать определенные возможности так, чтобы потом не выть с тоски об упущенном благе, если осуществятся иные воз-

---

по вопросу, разрешать ли кризис “Центр — регионы” на принципах Конституции ФРГ либо же на принципах Конституции США.

[1] *Настоящее и прошлое единственно в его полноте, а пока многовариантное в возможностях будущее с течением времени станет единственным настоящим и прошлым.*

можности, избранные другими, чьё понимание блага равнозначно Вашему пониманию зла.

Вне зависимости от того, какими словами называется общественный строй, вне зависимости от того чем по существу (т.е. без слов) он является, каждое общество в нынешней глобальной цивилизации так или иначе, но *определенно*, организует течение двух категорий процессов:

- управление многоотраслевым производством продукции на основе общественного объединения профессионально разного личного труда множества людей[1];
- воспитание подрастающих поколений, *прежде* чем они вступают во взрослую жизнь[2].

Но в зависимости от того, как конкретно организованы эти процессы, общество и является тем, что оно есть по существу. Каждый из этих процессов, в каждом из которых так или иначе участвует каждый человек в обществе, обладает общественной в целом значимостью. Произведенная продукция, в результате её определенного предназначения и распределения[3], либо обслуживает каждый из них, либо подрывает его общественно безопасное течение, а с ним и безопасность общества во всех смыслах этого слова.

И они оба замкнуты в кольцо во времени, которое развертывается в восходящую (либо нисходящую на отдельных этапах истории) спираль преемственности поколений людей и объектов культуры: Завершенное производство и текущее распределение, занятость, усталость и способы отдыха родителей — предопределяют во многом воспитание подрастающих поколений; а нынешнее воспитание — предопределяет возможности будущего управления и общественного производства.

Спорить о том, что было раньше: “яйцо” либо “курица”, — бессмысленно, поскольку прежде первой “курицы” либо первого “яйца” было нечто третье, качественно отличное и от “яйца”, и от “курицы”. В настоящем же существуют и “яйца” и “курицы”, но со сдвигом во времени, как две фазы одного и того же объемлющего процесса воспроизводства будущего поколения “яиц” из нынешнего поколения “куриц” и будущего поколения “куриц” из нынешнего поколения “яиц”.

В зависимости от того, какими средствами осуществляется управление многоотраслевым производством; кто в подрастающих поколениях имеет облегченные возможности к получению образования (одна из ведущих черт воспитания), в возможностях трудоустройства и легитимизации обретенного знания и наращивания профессионализма на основе знания, а кого ущемляют; в зависимости от конкретного решения этих общественно-экономических проблем в течение срока жизни хотя бы одного поколения, общество и является по существу тем, что оно есть.

Слова, дающие этому общественному укладу жизни название, вроде затертых “социализм”, “рабовладение”, “капитализм”, “новый мировой порядок” появляются во многом сами по себе как обозначение эпохи, отличающейся от другой эпохи по какому-то бросающемуся в глаза признаку. И такого рода слова-

---

[1] *В этой фразе само собой разумеется, что всякий профессиональный труд в общественном объединении труда принадлежит либо к категории управленческого по отношению к деятельности других людей труда, либо к категории непосредственно производительного труда в сфере обработки материи или информации.*

[2] *В воспитании ведущую роль играет формирование определенной нравственности и этики, на почве которых образование (обучение) и профессиональные навыки (в большинстве своем нейтральные сами по себе) обретают качество добра или зла в их общественном применении.*

[3] *Рынок — это тоже средство распределения, вполне управляемое.*

знаки оказываются подчас избранными вне связи с основными принципами, на которых общество строит организацию процесса производства продукции и процесса воспитания и обучения подрастающих поколений профессиям и жизненным нормам, свойственным каждому из обществ. То есть слова-знаки оказываются лишенными характерности по отношению к обществу как к таковому, которое они именуют.

Так “капитализм” в Японии (и в Юго-Восточной Азии в целом) с “капитализмом” Запада имеют только общее название, поскольку в этих *региональных цивилизациях* преобладают разные способы и средства управления многоотраслевой экономикой, вследствие чего каждый человек в них обладает по существу разными правами и *обязанностями*, даже в тех случаях, когда формулировки законов в Японии и на Западе совпадают. Также и традиции воспитания подрастающих поколений и внутриобщественных отношений в них разные.

История знает два способа организации многоотраслевого производства в масштабах национального или многонационального общества, даже если политики и журналисты не знают этого.

Первый: На основе регулирования государственным аппаратом через налогово-дотационную систему порога рентабельности выхода производителя, оптовика и розничного торговца на рынок — по одну сторону прилавка, и платежеспособного спроса — по другую сторону прилавка; а также и дополняющий его — который в прошлом СССР стал по существу единственным, что сделало его макроэкономику неэффективной — на основе регулирования через государственный заказ, выдаваемый производствам различных форм собственности, на продукцию приобретаемую государством в обеспечение его политики.

Второй: На основе регулирования порога рентабельности выхода на рынок поставщика и платежеспособности потенциального покупателя через *кредитование под ссудный процент*.

Государство способно прибегать и ко второму способу, хотя тем самым оно «рубит сук, на котором сидит». Но исторически реально, в особенности на Западе, в кредитовании под процент (проще и откровенно говоря в *ростовщичестве*) преобладала не деятельность государств, а надгосударственная корпоративная деятельность. В самих же государствах она рассматривалась не в качестве корпоративной, а в качестве одного из множества видов индивидуальной частнопредпринимательской деятельности его жителей или заезжих иностранцев, и уж тем более не рассматривалась как узурпация безраздельной финансовой власти над обществом и государственными структурами узким кругом *профессиональных ростовщиков*. Для государств был важен только вопрос о налогообложении ростовщичества, как и всего прочего частного предпринимательства. А вопрос о том, что ростовщичество “конкурирует” с государством в деле управления многоотраслевым производством и распределением продукции *с целью вытеснения государства из этой сферы деятельности*, до самого последнего времени даже не встает в сознании большинства, в том числе и политиков-профессионалов, и ученых экономистов.

Открытый рынок финансов каждого из множества государств — система, не признающая государственных границ и юрисдикции, охватывающая жизнь многих государств. По этой причине рынок финансов государств — надгосударственное образование в иерархии общественных отношений.

Каждое из государств в пределах границ своей юрисдикции проводит свою налогово-дотационную политику, ориентируясь на определенные цели. В зависимости от того, совпадают ли эти цели, а также и средства их достижения с надгосударственными интересами заправил (лидеров, возможно неформальных)

корпорации кредиторов под процент, корпорация ростовщиков либо поддерживает финансовую систему государства в работоспособном состоянии, либо через “свободное” ценообразование на рынке кредитов[1] отсасывает из его финансового оборота те средства, которые в ином случае прошли бы через налоги и выплаты из государственного бюджета в обеспечение намерений государства, провозглашаемых им в области политики. В результате этого государственный аппарат перестает быть хозяином своих финансов и утрачивает возможности к регулированию экономики; а государство, как следствие, утрачивает суверенитет по существу, однако формально юридически оставаясь по-прежнему суверенным.

Также управляемой игрой на курсах валют и международных кредитов корпорация ростовщиков обладает более или менее эффективными[2] возможностями разрушить всю систему внешнеэкономических связей неугодного государства или группы государств.

Государства Запада, в отличие от России и СССР, всегда были свободны от функции организации многоотраслевого производства, которое исторически реально сложилось в них под управлением надгосударственной корпорации ростовщиков. В ней паразитизм ростовщичества слился с управлением созидательной деятельностью множества других людей (т.е. слился с управлением производством и распределением в их совокупности и взаимной обусловленности). Это обстоятельство находит свое выражение и в законодательстве стран Запада, и в их конституциях прежде всего.

Если смотреть на их законодательство как на свод алгоритмов управления, то в них нет средств защиты государственного регулирования народного хозяйства от возможного конфликта народа и его государственного аппарата с надгосударственной ростовщической корпорацией, претендующей безраздельно управлять (в целях её хозяев) многоотраслевым производством и распределением во многих регионах планеты. Конфликт невозможен, поскольку государственность на Западе — либо покорный и невежественный невольник корпорации, либо восторженный холуй её же; о человеческих качествах их граждан — разговор особый, но холуизм государственности, поддерживаемой населением на выборах, определённо выражает холуизм того же населения.

В отличие от Запада, в Японии никогда не было свободного ссудного процента. В таких условиях рынок финансов невозможен, поскольку спрос на кредиты имеет тенденцию превышать возможности их предложения со стороны банков. По этой причине банки вынуждены распределять ограниченные объемы кредитов по своему разумению, и по здравому смыслу неизбежно вливаются в систему государственного налогово-дотационного регулирования производства и распределения и внешней торговли. Конфликт, “ростовщики - государство” невозможен, как и на Западе, но по другим причинам: потому что банкиры уже не столько ростовщики, сколько счетоводы государственных финансов; а банки не своекорыстные ростовщические конторы, а инвестиционно-страховые фонды совместного пользования, обслуживающие отраслевой и надотраслевой уровни системы бухгалтерского учета, сопровождающего и организующего созидательную деятельность множества физических и юридических лиц в различных отраслях.

Примерно то же самое и в государствах коранической культуры, с тем отличием от Японии, в которой ссудный процент ограничен, что Коран и шариат в

---

[1] *Цена денег — ставка по кредиту (во всех его явных и скрытых формах).*

[2] *Эффективность воздействия корпорации из международной сферы определяется внутренними возможностями неугодного ей государства.*

принципе запрещают ссудный процент как в явной, так и в скрытой его форме. В силу этого запрета банки имеют доходы, только участвуя в реальных прибылях тех, чью деятельность они профинансировали исходя из их понимания полезности деятельности претендентов на ограниченные объемы кредитов, а не исходя из паразитических вожделений ростовщика. По этой причине банки заинтересованы в общественно полезных результатах деятельности не меньше тех, кого они кредитуют; а те, в свою очередь, ориентируются на платежеспособный спрос общества, обусловленный его реальной нравственностью, а не вызванным ростовщичеством безденежьем большинства и паразитическим богатством меньшинства[1].

То, что происходит в течение последних лет в России, по существу является конфликтом между концептуально неопределившейся послемарксистской государственностью (оторвавшейся от народа по всем признакам) и надгосударственной корпорацией ростовщиков. Информационная и финансовая война идет за возможность безраздельного управления многоотраслевым производством и распределением в этой стране, которая перестает быть нашей по мере того, как растет сумма заведомо неоплатного долга, набираемого правящим режимом за последние годы.

Оружие международной корпорации — свободный ссудный процент, ставка которого поддается управлению при ведении корпоративной игры в “наперсток” на рынке кредитов банками-лидерами, в которую в качестве “подпевал” вливаются множество более мелких банков, не причастных к сговору заправил надгосударственного кредитного рынка.

Защита от этих “наперсточников” — либо нравственная традиция, живущая в народе, которая отрицает правомочность участия в сделке кредитования под процент и ставит ростовщиков, их клиентов, сводников и пособников вне закона (вплоть до того, что их физическое уничтожение не карается); а также и конституционное запрещение ростовщичества в его явных и скрытых видах, поддерживающее такого рода живую традицию, либо насаждающее такого рода нравственно-этическую норму человеческого общежития. В России сейчас нет ни того, ни другого: зато есть более 40 миллионов “обманутых вкладчиков” — ростовщиков-неудачников, которые позарились на бешеные проценты годовых и оказались обобранными шпаной, работающей на авторитеты глобального финансового аферизма.

Невозможно создать Конституцию и развивающее каждое из её положений законодательство, которые удовлетворили бы взаимно исключающие требования: истинных державников — защитить государственные финансы от надгосударственного и внутреннего ростовщичества, поскольку они — государственное средство регулирования многоотраслевого народного хозяйства; и требования нынешних западников — ликвидировать государственное регулирование полностью, предоставив все регулирование “рыночному механизму”, включающему и рынок кредитов[2].

---

[1] В этой фразе нет ошибки: образцово-показательные рекламные Швеция, Швейцария, США принадлежат той же — глобальных масштабов — производственно-потребительской системе, что и нищие страны третьего мира, в которых проживает более половины населения Земли. Высокий потребительский уровень населения рекламно-капиталистических стран поддерживается перераспределением в его пользу некоторой доли глобального ростовщического дохода, получаемого с ограбленных займами народов.

[2] Многие ищущие приключений “творчески думающие” демократизаторы на протяжении двух последних лет высказывают пожелание на более или менее длительный срок вообще отменить государственные налоги, намереваясь пополнять бюджет исключительно за счет государственных монополий, дальнейшей приватизации и ограниченной эмиссии. Если рассматривать это

Западники, призывая всё регулирование переложить на неперсонифицированный, безлико-анонимный "рыночный механизм", ссылаются на необходимость исключить из жизни возможность явно видимого наглого произвола и злоупотребления властью со стороны чиновников государственного аппарата: действительно «шила в мешке не утаишь», коли оно там есть.

Но произвол и злоупотребления безраздельной финансовой властью со стороны заправил корпорации ростовщиков также существует, а источник его, в отличие от доморощенных чиновников, может оказаться вне юрисдикции государства (Ротшильды, Рокфеллеры, швейцарские "гномы" и т.д., а также и их наемники: Жак Аттали, Мишень[1] Кандессю и др.); кроме того их ростовщические злоупотребления финансовой властью не нарушают законодательства ни России, ни стран их проживания; реально они — вне досягаемости как демократических процедур переизбрания, так и здравого смысла. Но вследствие их свободного ростовщичества, а также продажности и глупости российских политических лидеров и бизнесменов, изрядной части простонародного населения — всех прибегающих к займам под процент и поддерживающих ростовщичество своими свободными средствами на рынке "ценных" бумаг (включая и сберкнижки), и все остальные живут в финансовой удавке. Пока общество служит "элите" ростовщиков — удавка свободно и красиво висит на шее, как галстук[2], и не мешает; если что-то не так, то финансовый кризис — удавка затянута, а вина за это списана прессой на неумелость чиновников государственного аппарата проводить экономическую политику.

Проще говоря государственное управление народным хозяйством средствами налогово-дотационной политики и директивно-адресным распределением государственного заказа требует подчинения государственного аппарата идеологии, выражающей долговременные интересы трудящегося большинства в преемственности поколений, а от граждан требует — проявления лучших человеческих качеств: благонравия, целеустремленности и самодисциплины, искренней заботы о ближних и дальних (современниках и потомках), волевых качеств и умения индивидуальными и коллективными действиями осадить государственного и церковного[3] чиновника всякого ранга (а равно и босса в негосударственной фирме), если тот возомнил, что государство — «это он» («фирма — это я», соответственно).

А ростовщическое управление многоотраслевым производством не требует от индивидов ничего, кроме готовности продаваться явно и неявно и покорности власти денег. Сколько индивид стоит — зависит от его, желательно бессознательной, готовности продаваться[4] и от занимаемого им места в общественной статистике жизненных навыков и профессиональных качеств, носителем которых он является[5].

предложение через призму межотраслевого финансового баланса, то оно эквивалентно лозунгу: «Вся власть корпорации ростовщиков!»

[1] *Замена имени Мишель по предложению программы «Проверка орфографии Microsoft Word».*

[2] *Галстук — действительно символ петли потенциального висельника, пришедший во всеобщее употребление из масонской символики и атрибутики.*

[3] *В общем смысле этого слова по отношению к иерархиям профессиональных догматиков, поучающих правилам жизни.*

[4] *Обнаженная заискивающая продажность неэстетична и вызывает брезгливость даже у покупателя.*

[5] *В обществе людей, чьи жизненные навыки выливаются в здоровый образ жизни, редко кому возможно продать медицинскую услугу, даже самого высокого квалификационного уровня.*

То есть в формах ростовщической демократии Запада скрывается то же самое отношение рабовладельца к людям, что и в древнем Риме: строптивый раб, а тем более утверждающий, что он — носитель полноты достоинства человека, даже при его разносторонних умениях и высоком профессионализме — дешев или уничтожается, если есть кем его заменить в качестве носителя определённого профессионализма; покорный, обученный редким профессиям раб ценится очень высоко; неумеха, желающий угодить хозяину, найдет место в качестве надсмотрщика и стукача; неумеха, не способный ни к труду, ни к запугиванию и репрессиям, (а также и утративший работоспособность по возрасту или из-за болезней и увечий) — никчемен и подлежит уничтожению *за ненадобностью в хозяйстве дармоеда*.

В демократии по-западному всё то же самое, только железный ошейник древности, который был неэстетичен, озлоблял раба и мешал ему трудиться на хозяина, сменился финансовой удавкой. Она не нарушает чувств социального эстетизма правящей “элиты”, не озлобляет невольника, а любима многими, поскольку приобщает к кормушке (сфере потребления), если раб работает с пользой для хозяина; и она же убийственно затягивается наследственно клановой “элитой” ростовщиков на шее целых народов, если те не хотят им покориться и не желают или не умеют её сбросить.

Якобы «свободный человек» в западной демократии, обреченный хозяевами системы на положение финансового невольника от рождения, как и в древности, по-прежнему не рассматривается в качестве полноправного человека: человек — только рабовладелец.

В данном случае ростовщик, в полном соответствии с ветхозаветно-талмудическими традициями, думает, что это именно он — человек, а остальные — человекообразный рабочий скот, вооруженный интеллектом, данный якобы Свыше ему в услужение; но на самом деле в построенной на этих принципах системе общественных отношений и ростовщик — такой же рабочий скот, осел навьюченный золотом, купюрами, счетами и цифрами, который обязан пройти там и купить то, чем не способно завладеть даже сильное войско. У всякого вьючного осла есть погонщики и хозяева, которые тоже не имеют причин считать глобальную “элиту” международных ростовщиков за равных себе по достоинству людей, но употребляя их в качестве средства, осуществляют цели своей глобальной деятельности.

Так что выбор, перед которым после 70 лет Советской власти История поставила россиян, прост: либо стать людьми в полноте человеческих качеств, либо быть низведенными в состояние рабочего скота, вооруженного искусственно ограниченным интеллектом; либо построить благонравное разумное государство, либо надеть себе и потомкам на шею финансовую удавку.

Быть человеком — ко многому обязывает и требует преодоления своею доброй волей трудностей, порожденных порочными чертами культуры прошлого и настоящего; быть невольником — не обязывает ни к чему, так как хозяин сам определит участь своего стада рабочих человекообразных скотов.

При этом для большинства ныне живущих россиян в случае безвольного и безучастного ухода из под злоупотреблений властью со стороны госчиновников под безраздельную финансовую власть международных ростовщиков, перспективы более чем безрадостные. Сытно кормить и ублажать иные их вожделения новые хозяева житейских обстоятельств не будут.

Дело в том, что в нашу эпоху общество не живет трудом одиночек, делающих при производстве каждого из видов товарной продукции всё от начала и до конца в технологической цепочке производства продукта (например телевизо-

ра или космического корабля): от добычи сырья до предъявления его в готовом виде потенциальному потребителю. Всё производится на основе коллективной деятельности, вступая в которую на своем профессиональном этапе, каждый индивидуальный труженик (а также и коллектив) имеет дело с результатами труда других одиночек и коллективов, предшествующих ему в цепочке технологической преемственности операций, к которым он только добавляет свою трудовую лепту.

Коллективная деятельность может протекать в двух режимах: либо *достаточно редкие* ошибки, совершенные одним, устраняются и компенсируются деятельностью других, стоящих за ним в технологической цепочке; либо к ошибкам, совершенным одним, в технологической преемственности операций добавляются ошибки других, в результате чего продукт коллективной деятельности либо в принципе не удается создать, поскольку он разваливается под бременем отягощающих его производственных дефектов, либо же качество его не позволяет использовать его по назначению.

Всё в общественном объединении труда идет в соответствии со словами В.В.Маяковского: «Радуюсь я: это мой труд вливается в труд моей республики[1].» Но чему конкретно человек радуется, то и вольет в общее дело каждый из его участников.

В силу разных обстоятельств исторически так сложилось, что к началу 1990-х гг. всё, что массово производилось в СССР на основе общественного объединения индивидуального профессионального труда и было доступно на внутреннем рынке рядовому потребителю, было низкого качества и уступало зарубежным аналогам: от скоросшивателя для бумаг за 9 копеек до серийных ЭВМ. Кроме того, многие отрасли в промышленности СССР отстали от Запада по техническому уровню выпускаемой ими продукции и своему технологическому оснащению; а многие, развитые на Западе и Востоке отрасли, в СССР либо были в зачаточном состоянии, либо их не было вообще.

Это не значит, что в СССР и в России не было и нет выдающихся специалистов мирового уровня в каждом деле. Но творческие результаты каждого из них облеплялись в общественном объединении труда дурным отношением к делу безучастных, разгильдяев, лентяев, мстителей начальству за несправедливости и проявленную начальством справедливость, а также и прочих, пребывающих в беззаботности и безответственности по отношению к общему делу. Так в общественном объединении труда обесценивались и выхолащивались неоспоримые выдающиеся достижения умельцев одиночек.

При этом следует иметь в виду, что с открытием внутреннего рынка России для товаров Запада и Востока, россияне без зазрения совести стали предпочитать качественную и новейшую зарубежную продукцию некачественной или морально устаревшей продукции своего производства. Это имело место уже в тот период реформ, когда отечественная промышленность еще не была удавлена ростовщичеством открытых реформаторами коммерческих банков.

Попытки же наладить на “совместных предприятиях” производство продукции по зарубежным новым технологиям и на основе зарубежного сырья и комплектующих (например сборку компьютеров и иной электроники), даже на не удавленных ростовщичеством предприятиях, не дали в серийном производстве того качества продукции, который был достигнут в зарубежных прототипах.

Но в этом сочетании массового производства плохой продукции и массового стремления потреблять хорошую продукцию чужого производства проявля-

---

[1] *«Республика» в переводе с латыни — общее дело.*

ется разновидность паразитизма. Потреблять то, чего не производим, при неспособности выйти на мировой рынок с избыточной для внутреннего рынка высококачественной продукцией, которую не могут произвести за рубежом — это паразитизм.

И это обвинение в паразитизме касается всех категорий населения России: от рядового рабочего, бездумно о последствиях нарушающего технологическую дисциплину, до высших государственных чиновников, включая и президента, которые смогли пересесть в "Мерседесы"[1], но за более чем 5 лет реформ не смогли организовать управление многоотраслевым производством и поднять качество продукции отечественного автомобилестроения так, чтобы у них самих не было желания ездить на "Мерседесе", уступающем по потребительским и экологическим качествам отечественным машинам. Но управленцев это касается в большей мере, чем их подчиненных, поскольку, чем выше управленец в иерархии прямого и опосредованного подчинения должностей в государстве и бизнесе — тем большее количество людей оказывается в зависимости от злоупотреблений властью, ошибок и достижений, им совершенных.

"Новые русские" — преуспевшие "свободные" частные предприниматели вне государственного сектора экономики — в этом отношении не лучше госчиновников: у подъездов большинства вновь построенных "элитных" жилых домов, крупных банков, фондов, чьи офисы оборудованы по евростандарту и напичканы зарубежной оргтехникой и канцтоварами, обязательно стоят автомобили из числа наиболее дорогих серий наиболее престижных зарубежных фирм. Отдача же народу от этих вложений в роскошь и производство "представительского" впечатления, сопровождающие приобщение к Западу правящего слоя России, — ноль в настоящем и минус в будущем.

Если смотреть на эти процессы с точки зрения заправил Запада, то все они означают, что нынешние поколения россиян, в их большинстве (во всех сферах деятельности: наемная занятость, госчиновники, "новые русские" — частные предприниматели и криминалитет), не могут быть употреблены в качестве рабочей силы, при интеграции трудовых ресурсов России в региональную цивилизацию Запада. Россияне с их отношением к участию в коллективном производстве и их потребительскими наклонностями не смогут существовать на "правах" финансовых невольников, подобных остальному населению того региона планеты.

То есть при продолжении проростовщического (так называемого, западнического), т.е. антигосударственного курса реформ хозяева Запада будут вынуждены многих россиян уничтожить как дармоедов, поскольку производимая ими в обрабатывающих отраслях серийная продукция по её потребительским свойствам хуже, чем того требуют стандарты Запада, так или иначе ориентированные не только на удовлетворение потребностей западного обывателя, но и на торговое противоборство Запада с Востоком.[2]

При этом отточенные веками надгосударственной ростовщической корпорацией методы финансового управления стадами рабочего быдла на Западе по существу не могут быть применены в России. Дело в том, что управление много-

---

[1] 24 мая 1997 г. Борис Ельцин перед телекамерами сообщил, что купил и владеет BMW. Надо отметить, что дорогие модели BMW изящнее дорогих моделей Мерседеса, слегка похожих на танк, так что у президента хороший вкус.

[2] Но следует признать, что при сохранении нынешнего беззаботно безответственного отношения к своему соучастию в общественном объединении труда и страсти к безоглядному потреблению и расточительству без пользы они — помеха и для сторонников не мафиозно-кланового кагального ростовщического управления деятельностью общества, а государственного управления во всей полноте достоинства человека в органах власти и вне их.

отраслевым производством на Западе основано на существующей объективно в том обществе *психологической* взаимосвязи: *более высокая оплата труда предполагает и более высокий квалификационный уровень исполнителя и безусловное соблюдение им возложенных на него должностных обязанностей без внесения в деятельность какой-либо отсебятины.* И эта взаимосвязь свойственна психике и работодателя, и наемного персонала. То есть управление через финансы на Западе имеет определённую психологическую основу.

В России эта однозначная обусловленность, если в психологии общества когда-либо и существовала (в чём мы сомневаемся), то к настоящему времени в силу разного рода исторических и психологических причин она не преобладает в повседневной трудовой деятельности.

Наиболее ярко это проявляется в службе быта: отношение к делу и качество произведенной работы вызванного на дом ремонтника определяется не его реальной квалификацией и предложенной ему оплатой (включая и сверх той, что он уже получает по месту работы), а его отношением к тому человеку, для кого он делает заказанную работу. Симпатичному ему человеку он сделает даже то, что не входит в заказ за “спасибо”, а если что-то не доделал, то придет сам, когда сможет это сделать; а “плохому” и заказанное сделает кое-как, а сверх того возьмет и на “магарыч” по максимуму без стеснительности.

В творческих областях деятельности, таких как наука, учительствование, врачевание, картина примерно такая же: истинный умелец может оказаться неприметным нетитулованных специалистом, работающим за минимально возможную по штатному расписанию заработную плату, но под его неформальным влиянием может находиться всё дело в большом коллективе; а в случае его ухода из коллектива сверкавшие вокруг него “светила”, преуспевшие в стяжании формальных знаков отличия (диссертации, должности, почетные звания и т.п.), внезапно оказываются неспособными к плодотворной деятельности.

И более того, множество халтурщиков, не обладающих квалификацией, в России выходят на рынок с предложением разного рода услуг и продуктов, предлагая потребителю прейскурант на уровне высших стандартов качества: Почему? — Просто у них такие запросы. И особенно это касается светил медицины, обществоведения, экономики: результат деятельности “светил” в этих областях с точки зрения потребителя далеко не всегда соответствует ожиданиям, обусловленным высочайшими регалиями. И в то же самое время на порядки превосходящий дорогостоящую халтуру уровень качества может быть предложен другим исполнителем, подчас без высоких регалий, за весьма умеренные цены.

То есть в России взаимная обусловленность “зарплата — квалификация”, “цена — качество продукта” далеко не определённа, что исключает опору на эту зависимость при управлении коллективной деятельностью людей через доминирование в сфере формирования платежеспособности на основе ростовщичества.

Отношение человека к порученному ему делу и его результат в России определяется не предложенной ему зарплатой, не реальной квалификацией исполнителя, не трудовым соглашением или нарядом на выполнение работ, контрактом и т.п., а настроением человека, его отношением к личности непосредственного начальника и всего множества вышестоящих начальников до главы государства включительно и выше до Господа Бога[1]; тем как человек чувствует и понимает “общее дело”, в котором он участвует, и его результаты. Если он чувствует,

---

[1] *При этом не следует забывать, что земное начальство способно пребывать и часто пребывает в конфликте с Всевышним.*

что вынужден участвовать в деле ему глубоко чуждом и противном, то он внесет в него свою лепту так, что дело зачахнет или развалится.

В условиях господства такой психологии невозможно сформировать из индивидов коллектив, производящий товарную продукцию наперед заданного стандартного уровня качества, если опираться на принципы западного индивидуализма, когда производственный коллектив слагается из сертифицированных[1] специализированных функциональных блоков (“винтиков” — как раз то, чём обвиняли сталинизм), каждый из которых характеризуется и управляется его стоимостью. А именно эти принципы свойственны управлению многоотраслевым производством (и обществом в целом) через ростовщический кредит:

В контракте оговорены должностные обязанности, зарплата, премии, привилегии, льготы и штрафы, а всё остальное не касается трудовых отношений работодателя и каждого из множества составляющих коллектив носителей квалификации и профессиональных навыков, привлекаемых работодателем в фирму.

В условиях России это всё не обязывает большинство ни к чему более, чем просто присутствовать на работе оговоренное в контракте время. Но и со стороны работодателя российского происхождения соблюдение письменно зафиксированных условий контракта (а также и законодательства) по всем его пунктам столь же необязательно (да и невозможно в нынешних условиях), как и со стороны нанятого на работу. Необязательно и выполнение своих обещаний народу и государственной властью всех её уровней.

И в случае нарушения тех или иных пунктов одной из сторон, вторая в подавляющем большинстве случаев не обратится в суд. К обоюдному согласию сторон всё будет решено как взаимное молчаливое признание баланса взаимных поблажек при обоюдном нарушении письменно зафиксированных норм контракта, должностных инструкций и т.п. бумаг; при невозможности прийти к обоюдному согласию в короткие сроки, будет происходить затяжная борьба личностей в процессе и средствами их должностной деятельности, которая безусловно будет сопровождаться ущербом для самой деятельности, протекающей в общественном объединении труда[2]. Причем работодатель, как личность, далеко не всегда прибегнет к увольнению строптивца, даже имея к тому законные основания, поскольку может пребывать от него в какого-либо зависимости как администратор — от невозможности найти замену специалисту до нежелания участвовать в судебном разбирательстве, поскольку и сам нарушал как законодательство, так и свои должностные права и обязанности, оговоренные в контракте; не говоря уж о личностном желании одержать верх психологически: дожать строптивца и сделать из него удобного подчиненного.

При господстве в обществе такой психологии, законодательство в нём не может выполнять роль идола-арбитра, от имени которого “независимая” армия “служителей закона”, несущая в себе ту же психологию, вещает общественно приемлемую “истину”. Эта психология употребления в личностных интересах средств общественной в целом значимости приводит к тому, что юридическая

---

[1] *То есть имеющих диплом, сертификат, лицензию и т.п. заверенные печатью документы, подтверждающие факт обладания профессией и квалификацией.*

[2] *Так «ложка дегтя портит бочку меда». Когда дело заходит совсем далеко, то извлечь «ложку меда из бочки дегтя» весьма затруднительно.*

практика в целом на протяжении веков в России описывается пословицей «Закон, что дышло[1], — куда повернул, туда и вышло.»

То есть психология России не приемлет взгляд на законодательство как на карту “линий фронтов в войне всех против всех”, хотя многие россияне и участвуют в этой войне, которая в России также ведется без апелляции к писаному закону. Господствующей в России психологии свойственно, и это выражено в приведенной общеизвестной поговорке, смотреть на *законодательство* как на *средство управления общественной в целом значимости*, которое, однако, в обществе всегда находится в чьем-то личностном распоряжении; то есть оно подчиненно нравственно обусловленному произволу личности, применяющей нормы закона к тем или иным житейским ситуациям исходя из своей реальной, а не показной нравственности.

Но то же касается и личностей, пребывающих в органах законодательной власти, по своему общественному положению разрабатывающих нормы закона и придающих им силу действующего закона: законы и каждая из их статей пишутся, принимаются и отвергаются по произволу, который действует в границах нравственно обусловленных *концепций общественного устройства жизни множества людей,* различие которых проявляется в жизни всего общества при применении одних и тех же законодательных норм разными людьми подчас к одним и тем же житейским ситуациям.

Именно по этой причине и разрешение неопределенностей и противоречий в ныне действующей Конституции России в вопросах «совместного ведения» регионов и центра (а так же и в других вопросах) не приведет к столь желанному для многих “интеллигентов” результату: «жить мирно и спокойно в соответствии с Основным законом».

Кроме того, если на Западе идеал личностного самоутверждения в профессиональной области пропагандируется как высший смысл жизни[2] человека, то в России утверждение человека в профессиональной области неприемлемо в качестве смысла жизни. Смысл жизни всегда в чём-то ином, а высокое мастерство (профессионализм) в какой-либо области деятельности — только средство для воплощения этого внепрофессионального смысла в жизнь или средство обеспечения заработка для поддержания существования в случаях, когда смысл жизни человек реализует в “хобби”. Это воззрение отказа от подчинения человека сиюминутной прагматичности нашло выражение в стихах М.Ю.Лермонтова:

---

[1] *В наши дни пословица нуждается в пояснении. Дышло — деталь параконной повозки, при помощи которой упряжь запряженной пары лошадей соединялась с передней, поворотной осью повозки. Соответственно, когда кучер поворачивал лошадей, то соединенное с упряжью дышло поворачивало переднюю ось повозки и та изменяла направление движения.*

То есть в автомобильный век следует пословицу несколько изменить: «Для юриста закон — баранка: куда хочу, туда кручу.»

[2] *Герои западных фильмов и действительно во многом поучительной серии “Телефон спасения 911”, победители ежегодных “номинаций” от “Miss anywhere”, открывающей дорогу в рекламный и шоу-бизнес, до звезд спорта и нобелевских лауреатов довольно часто произносят слова, из которых можно понять, что достижение ими успеха в профессиональной области, желательно подкрепленное “почетной грамотой с печатью”, — высшая жизненная радость.*

Причем для западного кинематографа характерно производить киногрёзы, в которых разносторонне квалифицированный герой в одиночку делает то, с чем не в состоянии справиться организованная группа специалистов разного профиля подготовки. В отличие от киногрёз, в жизни всё не так: организации разносторонних специалистов, существующие в течение веков на принципе преемственности поколений своих участников, уничтожат мешающего их деятельности одиночку или вставят его в никчемные для них ситуации, где он будет в самоупоении утверждаться в качестве супермена подобно белке в колесе. Наиболее эффективное беличье колесо такого рода — это демократические выборы по вопросу «кому “рулить”?».

1

Когда б в покорности незнанья
Нас жить Создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволили бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать.

2

Но чувство есть у нас святое,
Надежда, бог грядущих дней, —
Она в душе, где всё земное,
Живет наперекор страстей;
Она залог, что есть поныне
На небе иль в другой пустыне
Такое место, где любовь
Предстанет нам, как ангел нежный,
И где тоски её мятежной
Душа узнать не может вновь.

Если видение этого смысла жизни исчезает либо подменяется чем-то низменным, то профессионализм и труд утрачивают мотивацию и становятся для россиянина психологически никчемными, по какой причине к своему соучастию в общественном объединении труда и допустимо относиться спустя рукава, отбывая срок трудовой повинности, вместо того чтобы работать. В определённых обстоятельствах и вся жизнь человека на Земле становится трудовой повинностью ради осуществления чуждых человеку, бессмысленных для него целей узурпаторов внутриобщественной власти. Жизнью, в которой утрачено видение смысла (поддержание пищеварительной и сексуальной физиологии тела — это не смысл жизни, а способ поддержания существования индивида и биомассы вида при смене поколений), — нечего дорожить. И это пренебрежение к своей жизни, утратившей человечный смысл, переносится и на жизнь окружающих.

И последнее становится глобальной опасностью, не меньшей чем ростовщический паразитизм хозяев Западного “общества” профессионально-функциональных блоков — по существу биороботов на основе бионосителя вида Человек Разумный: наплевательское отношение к проектированию, строительству и эксплуатации Чернобыльского реактора — это еще не предел.

Но западникам следует иметь в виду, что такого рода отношение к работе и окружающим не общее свойство россиян как работников и людей, а коллективно бессознательная реакция на попытку[1] обратить множество людей в придаток к

---

[1] *По существу в России имеет место на протяжении столетий пассивный саботаж попытки обратить людей в вооруженный интеллектом рабочий скот. Эта попытка в России длится — с переменным успехом — от внедрения в общество библейского культа в 988 году: Библия не отвергнута православной иерархией, но именно она и в Ветхом, и в Новом завете “освящает” от имени Бога доктрину финансового рабовладения на основе ростовщичества расы-зомби — “господ” единоверцев-иудеев. Зато православной иерархией отвергнута* Благая весть Миру Иисуса Христа, в её изложении учеником Иоанном, *ставшая мало известным апокрифом: Исторически реально в библейский канон не входит текст под названием «Святое благовествование от Иисуса Хри-*

их рабочему месту, низведя смысл жизни человека до стремления добиться личностного первенства в престижной профессии.

Тем не менее отношение к жизни в целом находит свое выражение в продуктах коллективной трудовой деятельности людей. Великую Отечественную войну выиграли оружием своего производства, которое по своим параметрам превосходило оружие противников и союзников и было разработано не после того, как жареный петух клюнул в темечко, а заблаговременно — в предвоенные годы пятилеток.

Нам прожужжали уши о том, что в те годы была эпоха рабства ГУЛАГа. История учит, что рабский труд неэффективен. Развитие СССР в предвоенные годы соответственно говорит, что народ обрел некое иное качество свободы, что и нашло свое выражение в очень даже эффективных продуктах его трудовой коллективной деятельности. Но если к 1991 году в СССР всё в массовом производстве делалось хуже, чем за рубежом, то это означает, что то качество свободы, которое ощущалось трудящимся большинством в годы до 1953[1] было утрачено: принуждение к рабскому труду свободных уничтожает эффективность их трудовой деятельности, что и нашло выражение в качестве производимой в СССР продукции.

Юристам, профессионалам и “любителям”, следует вспомнить и строки Конституций СССР 1936 и 1977 годов. По Конституции 1936 года в СССР были Советы депутатов трудящихся, а труд был почетной обязанностью граждан СССР. Эта формулировка исключала правомочность участия в органах власти депутатов от паразитов на трудящихся. В 1977 годы Советы стали Советами народных депутатов. Поскольку в составе всякого народа есть некоторое количество паразитов, то формулировка Конституции 1977 г. придала правомочность участию в Советах паразитов и депутатов от еще более крупных паразитов, которым не пристало работать даже депутатами.

В большинстве случаев законодательство отражает реальные жизненные процессы и только отчасти упреждает их, чем программирует их в будущем. Это так, поскольку для внедрения в общественную жизнь законодательных изменений необходима некоторая нравственно-психологическая основа и поддержка. То есть в 1977 году в изменении названия Советов, как органов Советского полновластия, нашел свое окольное выражение реальный приход к государственной власти паразитов, не способных к эффективному государственному управлению в интересах трудящегося большинства населения. И уже в то время это незначительное изменение Конституции государства трудящегося большинства программировало приход в будущем жизнь *государства паразитов*, что и свершилось в ходе перестройки и демократизации по западным рецептам, согласно которым профессионализм индивида — высший смысл его жизни. В законодательном итоге в нынешней Конституции России труд перестал быть обязанностью, что молчаливо означает, что паразитизм на чужом труде стал законным правом, гарантированным Конституцией: поскольку паразитами все быть не могут, то это означает, что труженники обязаны по ныне действующему законодательству обеспечить вожделения всех паразитов.

ста», а входят только краткие биографические справки о Его жизни и деятельности среди людей, прошедшие цензуру и сопровождаемые отсебятиной легитимных редакторов общебиблейского канона.

[1] О чём многие вспоминают и ныне. И нечего говорить, что воспоминания о юности всегда прекрасны. Воспоминания о застое для многих — воспоминания об омерзительном, пришедшемся на их юность; то же будет и с воспоминаниями о “демократизации” России наших дней.

Но в зависимости от ответа на вопрос: Профессионализм — смысл жизни либо средство осуществления в жизни некого иного смысла? — обществом будет признана либо будет отвергнута и концепция прав и обязанностей человека. Вне зависимости от того, какие произносятся слова об общем благе, и подтверждают ли их свершения в реально проводимой политике или отрицают, но в обществе всякой цивилизации всегда осуществляется та или иная определённая концепция прав и обязанностей человека.

При выявлении существа реально осуществляемой концепции прав и обязанностей человека, следует обратить внимание на жизненно значимое обстоятельство:

В животном мире отсутствует такое явление как семья, в которой протекала бы на всём её протяжении жизнь каждого из нескольких взрослых поколений в их преемственности. Если даже пара самец и самка в животном мире устойчива на протяжении нескольких репродуктивных циклов, то их потомство живет с ними только до достижения зрелого возраста.

Человеческому же обществу, в отличие от животного мира, на протяжении истории свойственна передача основ культуры от поколения к поколению в семьях. Причем в состав человеческих семей, определяемых по признакам совместного проживания и ведения домашнего хозяйства[1]*, входят не только родители и их подрастающие дети, но и поколение родителей родителей и дети детей. То есть с учетом продолжительности человеческой жизни в истории нынешней цивилизации семья включает в себя до четырех последовательных поколений родственников. И это касается, как оседлых, так и кочевых культур, которые известны издревле.*

В прошлом в праве на стабильность семейных отношений в преемственности поколений общество отказывало только рабам, в которых “свободные” видели “говорящие орудия”, “человекоподобный рабочий скот” и т.п. В библейской цивилизации общественный прогресс на протяжении истории сопровождался установлением крепостного права — фактического рабовладения национальных правящих “элит” в отношении породивших их народов. Только после того как рабовладение в отношении иноземцев преобразовалось в не менее очевидное рабовладение в отношении соотечественников, в библейской цивилизации последовала борьба за “права человека”, т.е. за “освобождение его от разнородного рабства”.

При этом, подавляющее большинство социологов, особенно прогрессивных, как-то не обращают внимания на то обстоятельство, что на протяжении столетий “борцы с рабством” предлагали альтернативные “рабству” социальные модели, в которых не было места семье, как “ячейке общества”[2]: это характерно для всех моделей от “фаланстеров” (казарм, где не место личной собственности) социалистов-утопистов, до “трудовых армий” мракобеса Л.Д.Бронштейна-Троцкого. Все эти “гуманисты” более или менее прямо отвергали в своих доктринах семью, как совместное ОБЩЕ-житие нескольких поколений, в котором

---

[1] *Как и в действующем гражданском кодексе при рассмотрении вопроса о взыскании алиментов.*

[2] *Прижившийся в нашей культуре марксистский словесный штамп, соответствующей Западному образу мыслей: ячейка — функциональный блок. В действительности же семья — зернышко, способное произрасти целым народом, носителем культуры, отличающей его от других народов.*

наилучшим образом возможно решить многие проблемы социального обеспечения детей[1], стариков, инвалидов.

Западным интеллектуалам, обеспокоенным соблюдением “прав человека” в других регионах планеты, не свойственно порицать ни фаланстеристов прошлого, ни почти современного им Троцкого за нарушение *права человека жить в семье.* Сами они, хотя и не пропагандируют в своем большинстве доктрину общества без семей[2], тем не менее, то что они пропагандируют, возможно осуществить только молчаливо уничтожив *семью, как зернышко из которого общество непрерывно воспроизводит себя в истории.*

Так, для концепции “прав человека” по-западному характерно настаивать на приоритете индивидуальных прав, включая широко пропагандируемое искусствами право на секс без ограничений как средство удовлетворения чувственности. Но *свобода секса , если говорить по-русски, есть свобода блуда ради услаждения похоти;* это уничтожение семьи, как зернышка, из которого произрастает общество. Это так, поскольку то, что делается из любви не подрывает генетического наследия[3] будущих поколений, в отличие от безоглядного секса, наркотиков (алкоголь и табак в том числе), разрушающих генетическое наследие (генофонд) будущих поколений, в процессе услаждения чувств.

Всему этому сопутствует требование обеспечить “свободу” перемещения труда (под давлением перемещения капитала[4]). Поскольку носителем профессионализма является индивид (семейного найма нет ни в одной из стран Запада[5]), а не семья в целом, то это также средство разрушения семьи нескольких поколений.

Между тем формирование целостной психики ребенка (даже при его здоровой генетике, что в условиях глобального биосферно-экологического кризиса редкость) требует, чтобы он вырастал в постоянном общении с несколькими по-

---

[1] *Появление семейных детских домов вместо детских домов-казарм и их воспитательная эффективность по сравнению даже с благополучными детскими домами-казармами говорит именно о незаменимости семьи в обществе никакими иными организациями.*

[2] *Разве, что проболтался Жак Аттали, в прошлом советник президентов Франции и директор Европейского банка реконструкции и развития.*

[3] *Генетика — это не только информация переданная при зачатии на уровне хромосомного аппарата клеток. Это еще и биополевой уровень передачи информации от самца к самке. Вся информация в здоровом организме согласована своими фрагментами между собой. Если же самка рождает ребенка, у которого несколько отцов по биополю, то согласованность различных фрагментов информации может нарушаться тем в большей мере, чем большее количество биополевых отцов имеется у ребенка. Это не выдумка: кобыла-лошадь после случки с жеребцом-зеброй не понесет, но в результате последующих случек её с жеребцами-лошадьми у неё могут родиться полосатые, как зебры жеребята. Так же и блудница сгружает мешанину генетической информации от всех, кто её имел, их общим детям. Термин “испортить девочку” — неточен: речь идет о том, что девочка портится именно в качестве будущей матери, утрачивая полноценность материнства, если не становится женою того с кем утратила девственность.*

И резинотехнические изделия, выскабливание матки и медикаменты — не защита от передачи и накопления в организме женщины ущербной в безоглядном блуде генетической информации, которую она передаст своему ребенку. Сможет ли он с нею справиться и как, это особый вопрос...

[4] *Обычно говорят о свободе перемещения труда и капитала. Но “труд” перемещается именно под давлением перемещения капитала, о чём всегда умалчивают. Тем более умалчивают о том, что и капитал перемещается под давлением ссудного процента.*

[5] *Это отчасти традиционно (т.е. не оформлено законодательно) свойственно восточноазиатскому капитализму: фирма — одна большая семья, в которой есть место и младенцам (в детских садах от фирмы), и более взрослым детям сотрудников, чьё обучение фирма субсидирует, и новому поколению работников, и старикам. И сказанное тем более верно, чем крупнее фирма и чем ближе она к порогу самодостаточности производства и потребления.*

колениями своих родственников: по возможности от прадедов до своих младших братьев, сестер, племянников. Это так, поскольку только в семье многих поколений ребенку хорошо видны в лице его родственников все предстоящие ему возрасты жизни одновременно и во всей их полноте.

Хотя в обществе в целом тоже есть старики и младенцы, но многие стороны их жизни только в семье открыты для наблюдения ребенку, накапливающему знания и навыки, необходимые в предстоящей ему взрослой жизни. Мать-одиночка, детский дом несемейного типа, родительская чета, даже живущая в ладу и согласии между собой, в подавляющем большинстве случаев не могут дать ребенку того, что дает семья нескольких совместно живущих поколений. В этом качестве демонстратора ребенку всех сезонов предстоящей ему жизни никакая иная общественная организация, кроме семьи, состоящей из нескольких поколений, заменить семью не может.

При этом следует иметь в виду, что в Западной цивилизации, процесс разрушения семьи многих поколений затрагивает исключительно широкие слои “свободных” граждан: наемного персонала или мелких частных предпринимателей. Правящие же кланы старой феодальной и сменившей её ростовщической “аристократии” (а также мафиозные кланы криминалитета) на окружающем их фоне разрушения семейного уклада заботятся о поддержании стабильности своих семейных отношений и о передаче на их основе культурных традиций в преемственности поколений в семьях.

Отношение к семье в обществе (а не в “элите”) на Западе столь своеобразно и отлично от общечеловеческого, что, столкнувшись после второй мировой войны XX века с бурно развивающимся “капитализмом” Восточно-Азиатского региона, западная социология дала ему название “семейный капитализм”[1], настолько значима оказалась в нём роль межсемейных и врутрисемейных отношений по сравнению с индивидуалистическим Западом.

То есть, разрушая семью и предаваясь индивидуализму, под лозунгами свободы и демократии, “свободные” граждане Запада с усердием, достойным лучшего применения, продвигаются в направлении бессемейного жизненного уклада, который в историческом прошлом человечества имел место исключительно в казармах для рабов: воспроизводство новых поколений рабсилы (человекообразных индивидов и передача квалификации) в них обеспечивались, но общественная жизнь человека — подавлялась. Разница только в том, что железный рабский ошейник древности претенденты на безраздельное мировое господство заменили финансовой удавкой, а отпечаток пальца на фотосчитывателе банковского или кассового автомата (или лазерная метка на коже) в перспективе способен заменить неприятную для человекообразной собственности правящей “элиты” процедуру клеймения рабов раскаленным железом.

То есть Запад (как региональная цивилизация в её длительном историческом развитии) — это переход от очевидного рабства, которое невозможно не заметить ни рабу, ни хозяину, к рабству, по возможности незаметному и приятно опьяняющему массы рабов. Узкая же группа кланов рабовладельцев сохраняет неизменным свой надсоциальный (по отношению к “обществу” рабов) статус, что и выражено в западной концепции “прав человека”, в нарушении которых постоянно Запад обвиняет СССР, Китай, многие мусульманские страны, и нынешнюю Белоруссию.

---

[1] *См. журнал “Германия”, № 3, 1995 на русском языке.* “МЕЧТА О МИРЕ: 50 ЛЕТ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ” - *статья Тео Зоммера.*

Всё сказанное ранее о концепции прав человека по-западному — историко-аналитический теоретический взгляд. В газете “Дуэль” № 8 [30] опубликована статья “Вернуть достоинство” М.В.Малинина, председателя Американского общества бывших советских политзаключенных. То есть в ней выражено мнение человека, который имеет представление о правах человека и их осуществлении на Западе и в России не только на основе изучения литературы по этому вопросу, но и на основе своего личного жизненного опыта: т.е. это мнение вынесенное из практики.

О происхождении западного термина “права человека” он пишет следующее:

«Понятие “права человека” возникло в западной философии как эквивалент родственных ему понятий “индивидуализм”[1], “персонализм”[2], “частная собственность” и т.д. и обозначало специфическую роль человека быть не только пассивным, как остальные вещи[3], но активным субъектом властвования вещами и другими людьми, участником обмена, купли-продажи, и др.

Для России такой стиль мышления издавна являлся чуждым, поскольку человеческая индивидуальность здесь, как известно, уступала перед человеческой коллективностью, соборностью. Права, принадлежавшие отдельным людям, в том числе и царю, рассматривались как выражение воли коллектива (царь и его подданные служили Отечеству). Таким образом, если в западной культуре один индивид противостоял другому[4], общественное благо традиционно рассматривалось, как благо для индивида, то в русской культуре такого противостояния не было, общество и человек существовали как одно целое. Это не означает, что на Руси человек не имел никакой ценности в глазах остального общества, а означает другое, выбранное людьми отношение к природе, обществу, друг к другу. Если на Западе “права человека”, то у нас соборное начало.»

Реально всё, сказанное М.В.Малининым о коллективизме и соборном начале *личностного развития*[5], в истории России совсем не так, иначе бы в течение последнего тысячелетия, события которого более или менее известны из исторических хроник, в России внутреннее развитие не сопровождалось бы периодическими катастрофами её государственности и сопутствующими народными бедствиями.

Тем не менее, то, что высказано о культуре России М.В.Малининым, в ней устойчиво существует всё памятное историческое время в качестве идеала общественной жизни людей, который всё же должен быть когда-нибудь осуществлен на Земле. Устойчивое существование этого идеала прослеживается по памятникам русской культуры от “Велесовой книги”, через “Слово о полку Игореве” и сетования летописей времен монголо-татарского ига на вражду князей (впавших в индивидуализм), до произведений литераторов XIX века (в частности приве-

---

[1] *В переводе на русский с латыни — неделимость, хотя в русском языке это слово прижилось со значением близким к значению русских слов “своеобразность”, “неповторимость человека”. Хотя по существу “индивидуальность” человека — своеобразная и неделимая частичка общества.*

[2] *“Персона” — по-русски “личность”.*

[3] *Важно обратить внимание, что человек оказался в категории вещей, но потребовалось отметить его некоторые особенности, выделяющие его из остальных вещей. С этим остается сопоставить древнегреческое определение в отношении рабов: «говорящие орудия», после чего всё в сознании должно стать на свои места.*

[4] *Отсюда и господствующий взгляд на законодательство как на карту линий фронтов в войне каждого против всех.*

[5] *Выделенные слова обычно остаются в умолчаниях. Но если о них забыть, то встает вопрос: Соборное начало чего (кого)?*

денное ранее стихотворение М.Ю.Лермонтова), а также энтузиастов эпохи строительства социализма и нынешней непреклонной оппозиции режиму и его зарубежным хозяевам и вдохновителям.

Усобицы князей древности, крепостное право в отношении изрядной части простонародья и сладострастный разгул правящей "элиты" за счет угнетения народа и сопутствующие бунты до 1917 г. Ликвидация прежней "элиты" в гражданской войне 1917 - 1920 гг.; поддержка народом новой марксисткой "элиты", провозгласившей именно эти идеалы, и предательство партноменклатурной "элитой" этих же идеалов, в результате чего появился нынешний режим прозападников, который люди терпят, но деятельно не поддерживают. Всё это говорит о том, что идеалы коллективизма, соборности в России устойчиво существуют на протяжении веков, но реальная её жизнь, а деятельность профессиональных политиков в особенности — крайне далека от них.

На Западе действительно господствуют другие жизненные идеалы. И различия идеалов России и Запада М.В.Малинин, как и многие другие, осветил по существу верно.

Если же сравнивать идеалы и жизнь, то по жизни Запад ближе к провозглашенным в нём идеалам, хотя его обыватели вряд ли понимают их рабовладельческую подоплеку. Россия по жизни во многом близка к Западу, что приводит многих наблюдателей ко мнению, что россияне просто не умеют осуществить в своей жизни идеалы, которые более или менее успешно осуществлены на передовом (в некотором смысле) Западе. Это и дает западникам возможность тешить себя иллюзиями:

Вот еще немножечко поднажать, провести реформы, подучить россиян достижениям передовой западной культуры и всё... Россия станет по-русски говорящим Западом: Польшей в смуту 1607 - 1613 гг.; предновозаветной Иудеей в смеси с Грецией при патриархе Никоне[1]*; Германией и Голландией при Петре I; Францией при царицах — женщины падки до европейской высокой моды, законодательницей которой была Франция; Францией и Англией при Николае II; наконец-таки в наши дни многим вожделенна Россия как дубликат США.*

Далее М.В.Малинин приводит выдержки из ряда документов ООН и других, в которых провозглашаются "права человека" по-западному.

«Преамбула Устава ООН (1945 г.), Всеобщая декларация (1948 г.[2]) и Пакты о правах человека (1966 г.) содержат принципиальную схему механизма "прав человека", смысл которого можно охарактеризовать так: человек, существующий в обществе, — это ничто; человек, находящийся за общественными рамками, — это всё.

Перечисленные документы описывают человека, лишенного всех черт индивидуальности[3]. Они, в частности, утверждают, что все люди от рождения имеют одинаковое достоинство. Следовательно, все они одинаковы, на одно лицо, не являются личностями. Достоинство у них надуманное, эфемерное, ненастоящее.

Всюду присутствует одна и та же схема: одно достоинство - одинаковые права - одинаковые общества. Все человечество на одно лицо. Это и есть прин-

---

[1] *Церковный культ был переделан в соответствии с греческим каноном, а на территории России появился Новый Иерусалим и в Подмосковье путем переименования была воспроизведена топонимика Иудеи эпохи новозаветных событий. Некоторые пишут, что таким образом православная церковь намеревалась вызвать второе пришествие Христа.*

[2] *Год принятия США Директивы СНБ 20/1 от 18 августа "Наши цели в отношении России", предусматривающей расчленение СССР и введение его обломков в состав Западной цивилизации изощренного рабовладения.*

[3] *То есть личностного своеобразия.*

цип гармонии и осуществления “прав человека”: освобождения человечества “от страха и нужды” и тому подобное.

Документы ООН содержат формальные отсылки к национальному законодательству народов, которое на самом деле является полной противоположностью “правам человека”. Эти отсылки не отменяют общий принцип, заложенный в перечисленные документы. Откройте и перечитайте последовательно акты и вы убедитесь, что это так и есть.

Достоинство — ключевое понятие концепции “прав человека”. Что же это такое?

Статья первая Всеобщей декларации прав человека гласит:

“Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства.”

В юридическом смысле права, которыми наделяется по общественному закону родившийся человек, совсем не адекватны его достоинству. Общество охраняет честь родившегося быть человеком и проявить свои способности. Но от рождения человек еще не приобретает своего достоинства: достоинство — это его самооценка, результат общения с другими людьми.

Заметим, что, согласно документам ООН, человек не свободен в выборе “прав человека”. Эти “права” навязываются ему при рождении извне вместе с мифом о его прирожденном достоинстве.

Основные признаки “прав человека” — их неподвластность самому человеку, неизменность и нерушимость. В принципе, человеку и не нужно даже отстаивать эти “права”. Понимают ли это современные правозащитники, требующие “соблюдения” “прав человека”? Поскольку “права человека” не оправдали своего назначения еще в период существования Лиги Наций и именно на эти “права” Великобритания сделала ставку, объявляя “холодную войну” Восточной Европе в 1946 году, можно утверждать, что “права человека” были использованы, как оружие этой войны, преследовали разрушительную цель.

Зачем сочинили утопию?

Мистическое неземное происхождение “прав человека” позволяет говорить, что так называемые “права” существовали во все времена и эпохи, без деклараций и пактов об их соблюдении.»

На этом месте мы прервем цитату прежде чем привести поставленный М.В.Малининым вопрос и его ответ на него, поскольку М.В.Малинин не везде точен в критике формулировок западной концепции прав человека и нам необходимо кое-что уточнить. В частности человек рождается не с правами и достоинством человека, а несет генетически предопределенную возможность быть человеком, которая обществом и его культурой либо поддерживается, либо подавляется.

Поскольку каждый родившийся младенец, тоже человек, генетически предопределено способный вырасти во взрослого человека, то нет никаких оснований, кроме традиций и устремлений, свойственных культуре общества, чтобы отказывать ему в праве: *понять, что означает быть человеком и осуществить в меру понимания эту возможность в жизни по его свободной воле, генетически обусловленной так же, как и объективная возможность быть человеком среди множества других себе подобных, каждый из которые от зачатия несёт в себе такого же рода возможность.*

Поскольку общество имеет возможность подавлять развитие родившегося в преисполненного достоинства человека, то термины “права человека”, “соблюдение прав человека” — не столь надуманные и оторванные от жизни, как об

этом пишет М.В.Малинин. Дело в другом: кому из родившихся, в какой мере и какими средствами культура в целом, и в частности, традиции и писанные законы, поддерживаемые обществом, отказывают в его праве вырасти человеком, предопределяя ему удел рабочего скота, вооруженного интеллектом, подавляя и извращая его развитие в качестве человека, обладающего свободной волей? И как защитить родившегося человека от такого рода угнетения и извращения его по-человечески возможного развития? Теперь продолжим цитирование:

«Зачем же тогда понадобилось делать столь утопическую идею формальным законом для людей?

Ответ, как представляется, один: кому-то, кто мыслит себя явно за пределами схемы "прав человека", надо было устроить хаос и разрушение других культур. Для этого-то по сути бредовая[1] концепция "прав человека" преподносилась как "задача (!!!), к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства" (Всеобщая декларация).»

Этот ответ М.В.Малинина также не точен в формулировках: Не "кому-то" неопределенно, а ТОМУ, КТО МЫСЛИТ СЕБЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ БРЕДОВОЙ КОНЦЕПЦИИ "ПРАВ ЧЕЛОВЕКА" ПО-ЗАПАДНОМУ. Предназначенная для других, она понадобилась для того, чтобы, согласившись с нею, все народы и все государства, восприняли её как задачу, к выполнению которой они и должны стремиться.

Далее М.В.Малинин продолжает:

«Ш.Монтескье писал, что законы "должны находиться в таком соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными для другого народа". В чрезвычайно редких случаях!

Через двести лет, в 1946 г., выступая в американском городе Фултоне, бывший британский премьер-министр У.Черчиль призовет к "возведению на престол человеческих прав", что ознаменует начало информационно-психологической войны между Востоком и Западом.

Доктрина "холодной войны", разрабатывавшаяся американцами (А.Даллес и др.) и англичанами, и легла в основу современной концепции "прав человека". <...>

Современная концепция "прав человека" остается статичной, внеисторичной и не имеет ничего общего с национальным законодательством. Это утопическая доктрина, направленная острием против социальных революций (у себя: - наша вставка) и других культур (где она должна вызвать общественные и государственные катастрофы, чтобы их обломки влились в региональную цивилизацию Запада, заправилы которой посредством именно этой концепции "прав человека" намереваются построить "новый мировой порядок": - наша вставка).»

Так М.В.Малинин завершает свою статью. Тем не менее, и в этом вопросе он прав далеко не во всём: Западная концепция "прав человека" не внеисторична, а очень даже исторична, поскольку является одним из средств управления течением глобальной истории; она не "статична", т.е. не безжизненна в своей неизменности, но устойчиво на протяжении многих столетий применяется к подавлению своеобразия жизни разных народов и потому неизменна, вследствие чего и выглядит "статичной" при поверхностном взгляде на неё тех, кто никогда не заглядывал в "штурманскую рубку" заправил общественного развития Запада.

---

[1] *Бредовая в том смысле, что порождена как средство осуществления бредовой идеи о достижении безраздельного господства над человечеством некой расы "господ".*

Не все так просто обстоит и с мнением, высказанным Ш.Монтескье, которое также более соответствует характерному для Западу взгляду на законодательство как на карту линий фронтов в войне каждого против всех, нежели соответствует взгляду на законодательство как на свод стандартных алгоритмов управления при решении разного рода задач в жизни общества.

Что касается той составной части единого законодательства всякого государства, которая порождена необходимостью разрешения противоречий в отношениях физических и юридических лиц, то мнение Ш.Монтескье справедливо, поскольку во всяком национальном обществе свои представления, обусловленные его историческим прошлым и преобладающей нравственностью и психологией, о том, что является преступным и подлежит наказанию, а что допустимо.

Что касается той составной части законодательства, которая представляет свод алгоритмов управления, то она оказывается во многих случаях безнациональной и внеисторичной. Причина этого в том, что одни и те же алгоритмы управления реализуются и в технике, и в обществе, в живой и “неживой” природе. В XX веке общепризнанно авторитетно на это указал Н.Винер в своей “Кибернетике”, хотя в других формах повествования, а подчас и более широко, на это же указывали издревле многие мыслители, проводя структурно-функциональное сопоставление строения человека, общества, живых и “неживых” природных объектов. В этом нет ничего нового, просто многие об этом забыли и не желают замечать единства алгоритмов управления в Мироздании по причине того, что сами впали в индивидуализм, утратив многие связи с окружающим миром, чем и противопоставили себя ему.

Тем не менее даже при универсализме какого-то из множества алгоритмов управления, нашедших свое выражение в законодательстве, по отношению к исторической эпохе, особенностям национальных культур, географии и т.п. конкретным обстоятельствам, обуславливающим его применение, весь свод алгоритмов общественного управления действительно оказывается частью самобытной культуры каждого народа и потому его невозможно перенести в иную культурную среду во времени и пространстве без того, чтобы не искалечить народ, предполагаемый в качестве воспреемника, или не уничтожить его.

Дело в том, что законодательство в целом, как свод стандартных алгоритмов управления, во всех случаях ориентировано на одну из определенных концепций прав человека, даже если этого не понимает само общество и его ведущие политики. По этой причине несовместимость концепций прав человека в двух обществах исключает безболезненный и беспроблемный в иных смыслах перенос законодательства (целесообразных алгоритмов управления) одного из них в другое.

Кроме того, даже при приверженности двух национальных обществ общей концепции прав человека, каждое из них может находиться на разных стадиях осуществления общего им идеала. Поэтому, если пользоваться категорией “социальное время”, определяемой на основе течения сходственных процессов в каждом из обществ, то успешно работающее законодательство одного из них может оказаться действительно несвоевременным для другого, поскольку не соответствует его стадии развития.

И только этому своду алгоритмов управления сопутствует действительно национально специфическая составляющая часть законодательства, предназначенная для улаживания конфликтов в обществе и пресечения противоправной (в смысле приверженности иной концепции прав человека) деятельности.

Эта тесная связь концепции прав человека и государственного управления жизнью общества в целом и составляющих его индивидов находит весьма смут-

ное выражение и в писаниях приверженцев концепции “прав человека” по-западному.

“Общая газета” № 17 (196) от 30 апреля - 7 мая 97 г. под рубрикой “Поиски смысла” опубликовала статью Бориса Парамонова[1] из Нью-Йорка “Не растет хлеб без демократии”. Мы приведем текст статьи с некоторыми сокращениями, а комментарии и вопросы, уместные по тексту приведем в сносках, размещенных после текста цитаты, помеченных в ней римскими цифрами. Он пишет:

«Буквальный, корневой словарный смысл слова “демократия” — власть народа — способен сбить с толку. И сбивает. Буквальное толкование создает иллюзию, лучше всего сформулированную в знаменитых словах о кухарке, управляющей государством[I]. Власть, управление — особая отрасль человеческой деятельности, а любой деятельностью должны заниматься профессионалы[II]. Власть[III] не может принадлежать “всем”, то есть тому же народу. Такие явления были возможны только в глубокой древности, в узких рамках городов-государств. Это так называемая прямая демократия, функционирование которой невозможно в современных условиях необыкновенной усложнившейся, качественно изменившейся и количественно разросшейся жизни.

<...>

Но у слова “демократия” есть еще одни важный оттенок значения: оно может означать народную толщу, массу, противопоставленную любой элите[IV], проще говоря — подавляющее большинство. Отсюда следует логически вроде бы безупречный вывод о том, что демократический строй правления должен по определению осуществлять управление в интересах этого большинства. Это так и не так. Тут нужно сначала определить, что такое благо народа. Первая и неизбежная ассоциация: материальное благополучие и безопасность. Но все известные из истории опыты государственной властной деятельности, направленной на эту цель, положительного результата не приносили[V] — наоборот, приводили к полицейскому произволу и материальной нищете. представление о власти, создающей благо подданных — утопия. Наиболее знакомый нам опыт существования этой утопии — тоталитарный социализм — на наших глазах потерпел даже не сокрушительный, а какой-то тихий крах, “мирную кончину живота”, как говаривали в старину. Это был не насильственный, а именно естественный конец[VI], поэтому смотреть в ту сторону бесполезно: мертвецы не воскресают.

Демократия, таким образом, не предполагает и не должна предполагать ни прямого народоправства, ни гарантий материального благополучия. Смысл демократии, её императив и позитив — это создаваемые ею порядок контроля над властью. Демократия с её системой выборов[VII] — не более чем механизм такого контроля[VIII]. Она создана для того, чтобы власть не выходила за рамки своих функций: создания полицейского порядка[IX] (который не имеет ничего общего с произволом), гарантий безопасности, мирного существования обывателей. Другими словами, демократия — формальный, а не материальный принцип. Она создает[X] правила социальной жизни, а не её содержание.

<...> Демократия протягивает трудящимся не хлеб, но и не камень, конечно. Она предлагает им нечто невесомое, нематериальное — *воздух свободы.*

<...>Безусловно, в богатых странах Запада[XI] существует прослойка людей, значительно, иногда даже целиком зависящая от государственной социальной помощи, но это — люди обездоленные скорее психологически, чем социально,

---

[1] *Комментатор политики и нравственно-психологических проблем народной жизни с радио “Свобода”, напыщенно, но с одышкой, вещающий россиянам, как им правильно жить по-западнодемократически.*

их никто не выводил из игры, они не пожелали или не смогли играть по правилам[XII] сами. Не то, конечно, в России, где таким людям никак нельзя предъявить каких-либо моральных претензий[XIII]. Все претензии к власти, не способной выдать вовремя пенсию или зарплату[XIV]. Но ведь главный порок сегодняшней российской власти не в том, что она, прикрываясь демократическими принципами, устранилась от обязательств перед людьми, забыла о социальном протекционизме, а в том, что она не создает условий, способствующих подлинно свободному развитию хозяйственной деятельности[XV].

Власть мешает не раздаче благ — она мешает их производству. Именно поэтому в нынешней России свобода — не просто формальный, то есть бессодержательный, принцип (каковым и надлежит ему быть[XVI]) — это пустой принцип. (...) Кроме воздуха свободы существует тяжесть, материальная ощутимость земли, без которой не вырастить “хлебов”. Нынешние великие инквизиторы произвели торг, не снившийся Достоевскому[XVII]: не хлеб вместо свободы, а свобода вместо хлеба. Сами же они питаются, как известно, алюминием[XVIII]. Но либерализм (в контексте Б.Парамонова это «идеологический принцип демократии) здесь ни причем: никто не утверждал, что свобода — это отсутствие тюрем для воров.»

Так, что западная концепция “прав человека” действительно мешает нам жить.

Но кроме неё нам мешает жить и собственная порочность, в жизни не совместимая с исторически свойственными России идеалами коллективизма, соборности, при которых каждый человек — целостная любвеобильная личность, заботливая о ближних и дальних в пределах его возможностей, по какой причине и общество целостный, ладно скроенный и крепко сшитый организм, а не собрание обособленных функциональных блоков, различного профессионального профиля подготовки, из которых хозяева доктрины “прав человека” по-западному лепят для обслуживания своей похоти “общество” зомби, забывших о своем человечном достоинстве и в своем тягловом скотстве возомнивших себя людьми.

24 апреля — 12 мая 1997 г.

[I] Когда известный драматург М.Шатров еще писал просоветские пьесы, то в уста В.И.Ленина в одной из них он вложил примерно такие слова: «Я никогда не говорил таких глупостей: управлять государством. Я говорил *должна учиться управлять* государством.»

Есть основания полагать, что М.Шатров предварительно справился с полным собранием сочинений, поскольку в СССР Главлит не пропустил бы отсебятины, тиражируемой в обществе от имени Ленина.

Да и по существу фраза о кухарке и управлении государством в редакции М.Шатрова не глупа. Но подавляющее большинство наших современников плохо знают историю Отечества. Кухарка в словах Ленина появилась не просто так, а имела предысторию в жизни России. В царствование Александра III был издан закон, ограничивший доступ простонародья в России к получению образования в гимназиях и вузах страны. Этот закон получил прозвище в среде интеллигенции: «закон о кухаркиных детях.» То есть В.И.Ленин, в отличие от специалиста по “правам человека” с радио “Свобода”, в данном случае, смотрел в существо дела о правах и свободах каждого в обществе.

В зависимости от того, возможно ли “детям кухарки” получить образование сообразно их генетически обусловленным способностям и отдать свой труд обществу в любом виде деятельности по их реальной квалификации, включая и принятие на себя наивысшей внутрисоциальной власти, или же невозможно — в зависимости от этого обстоятельства оказываются многие общественные процессы.

Это так в частности потому, что наивысшее качество управления достигается, когда в управленческий корпус входят все желающие нести бремя забот и ответственности из числа тех, кто способен к такого рода деятельности. А наилучший кадровый состав управленческого корпуса достижим только в том случае, когда кадровой базой сферы управления являются все семьи общества, а не противопоставившая себя народу некая узкая “элита”. В этом единственном случае, когда кадровой базой сферы профессионального управления является всё общество, власть действительно принадлежит народу в целом, хотя осуществляют её высокие профессионалы.

Что же касается самого принципа управления государством посредством множества невежественных и безответственных “кухарок”, то он как раз и осуществляется в “демократиях по-западному”. Когда устремляется к урнам для голосования множество невежественных, эмоционально взвинченных людей, чья психика сформирована телесериалами и ток-шоу, вследствие чего они имеют представление об управлении подчас гораздо более примитивное чем хорошая кухарка-домоуправительница времен В.И.Ленина, это и есть управление государством посредством “кухарки”. Так что остается только обратиться к Борису Парамонову с вопросом: “Чья бы корова мычала?”

[II] Кто бы спорил. Конечно, высокий профессионализм необходим и во всех отраслях сферы управления. Но как было показано в предыдущем комментарии, в зависимости от того, кому позволяют стать профессионалом, а кому нет, общество и живет. Почему Б.Парамонов молчит о том, какие ограничения по признаку происхождения разные общества гласно или по молчаливой традиции налагают на людей, не допуская их от рождения к обретению действительно необходимого для деятельности в сфере управления профессионализма?

[III] Почему Б.Парамонов занимается словопрениями на тему устройства в обществе исключительно государственной власти, полностью умалчивая о том, что государственная власть — только одна из отраслей системы властей, обеспечивающих в совокупности самоуправление общества, о чём речь мы вели ранее.

[IV] А почему не рассмотреть вопрос о том, как разнородные “элиты” превозносят себя над “массой” и помыкают ею для ублажения своей разнородной похоти?

[V] Зачем же забывать о Японии, где координирующая роль государства в управлении макроэкономической системой страны качественно отлична от западной модели?

Да и в истории СССР не все так примитивно и глупо, как представляет Б.Парамонов. В предвоенные годы экономический рост был во всех отраслях, включая и сельское хозяйство.

В ходе Великой Отечественной войны имели место факты, когда колхозники отдавали государству свои сбережения и просили направить их на “покупку” боевой техники: так один “купил” из своих сбережений за войну даже два истребителя и подарил их летчикам. Возможно, что Березовский или Гусинский способен ныне купить МиГ-31, но чтобы фермер или колхозник в России наших дней был способен из личных средств купить новейший истребитель — это невозможно.

Еще в пятидесятые годы темпы экономического и социального развития СССР вызывали обеспокоенность у западных аналитиков. Они действительно упали с начала 1960-х гг. Но это не значит, что их высокие уровни в прошлом можно отменить, вычеркнуть из истории потому, что причины, вызвавшие крах СССР, не подлежат обсуждению на публике, поскольку в результате такого обсуждения СССР может воскреснуть еще более мощным и жизнеспособным, чем его оставил Сталин в 1953 году тому поколению, которое ныне стенает по поводу не выплаченных ельцинским режимом пенсий.

[VI] 18 августа 1991 г. начался вовсе не “естественный конец”, поскольку ему предшествовало явно искусственное начало: Директива СНБ США 20/1 от 18 августа 1948 г., а также и другие, надо отдать должное, эффективные подрывные программные документы.

[VII] Кто и когда избирал и переизбирал ростовщиков — узурпаторов надгосударственной финансовой власти над многими обществами? — Те кого они же сами допустили в советы директоров?

[VIII] Ну и как в условиях демократии Запада возможно контролировать деятельность ростовщической аристократии: Ротшильдов, Рокфеллеров, прочих и их наемников? — банки принадлежат им на правах законной частной собственности: соответственно, что желают, то в них и делают.

А то, что от их кредитной политики зависят на положении невольников население целых континентов, а население США прикормлено некоторой долей ростовщического дохода и потому тупо: это что не бесконтрольная тираническая власть в условиях якобы свободы и якобы демократии?

Может всё же демократия-народовластие, осуществление власти в интересах народа — это одно, а выборные процедуры — нечто иное, поскольку сами по себе они способны обслуживать и тиранию, и демократию?

[IX] Конечно, если государственная власть не занимается вопросами организации многоотраслевого производства и распределения, а этим бесконтрольно занимается трансрегиональная корпорация ростовщиков и её хозяева, то государству остаются только функции надсмотрщика за рабсилой.

[X] Будучи формальным принципом, она ничего создавать не может, но правилам социальной жизни, порождающим её содержание, она придает народную поддержку или видимость таковой.

[XI] Это рассуждение было бы безупречным в интеллектуальном отношении, если бы на Земле кроме богатых стран Запада не существовало ограбленных ими неоколониальных стран, принадлежащих той же системе ростовщической власти, чье население мировые финансисты обобрали своей политикой цен и кредитов, дабы создать рекламную картинку богатым странам Запада и надежно обеспечить политическую апатию рабсилы в своей метрополии.

[XII] Кто и когда, с какой целью создал эти правила — один из видов власти в обществе, коли уж сам Б.Парамонов говорит, что управление — удел профессионалов? Возможны ли иные альтернативные правила, при которых бы эти люди не устранились бы от игры “по правилам” и активно участвовали в жизни общества.

[XIII] «Претензии моральные» как раз предъявить можно: разве не они в прошлом смотрели безучастно, бездеятельно в их большинстве, будто их это не касается, как партноменклатурная “элита” правит государством в ущерб жизненным интересам их самих и их потомков?

[XIV] Но ведь Б.Парамонов сам писал чуточку ранее, что демократия не обязана править в интересах большинства, обеспечивая его материальное благополучие и безопасность. И это было бы безупречное в интеллектуальном отношении рассуждение, если бы не было надгосударственной корпорации ростовщиков, которые безраздельно контролируют и управляют производством и распределением. Ну управились они в отношении России так, что нет в её бюджете денег для выплаты пенсий и зарплаты бюджетникам. Причем тут государство?

—А при том, что не может оно объявить ростовщичество вне закона на территории России и потому не способно взяться за координацию народнохозяйственной деятельности в интересах всего народа.

[XV] Это смотря откуда наблюдать картину развала экономики страны: при взгляде с позиции истинных целей финансовых заправил Запада в этом как раз и есть её достоинство, поскольку при таком ходе дел без лишнего шума уничтожается население, не пригодное к употреблению в качестве рабсилы на принципах западной концепции “прав человека”.

[XVI] Свобода пустой и бессодержательной не бывает: в области экономики либо свобода производства и искоренение паразитизма, либо свобода паразитизма и подневольность производства паразитизму и злоупотреблению властью.

[XVII] Это явное передергивание. Великий инквизитор у Достоевского во многом трагичная в своей внутренней противоречивости и отчасти героическая личность, в чем и состоит его привлекательность, выражающаяся в том, что редко кто его не вспомнит из числа тех, кто пишет о проблемах России. Инквизитор объясняет Христу свою деятельность тем, что Христос придя в мир, предложил людям невыносимое для них бремя свободы; а они — инквизиция — избавили их от этой невыносимой для большинства ноши и сами тянут на себе воз управленческой деятельности в обществе, от которой устранилось подавляющее бездумное большинство; те, в чьих беззаботных и безответственных руках даже хлеб превращается в камень, в силу чего инквизиторы берут у них хлеб прежде, чем тот превратится в камень и оделяют хлебом по своему разумению всех, чтобы те хоть как-то существовали, коли не могут жить в благости по свободной воле.

Здесь же у Б.Парамонова совсем другое. Инквизиторы еще не взялись за хапуг, которые, толкнув алюминий за кордон, обеспечили себе хлеб и “Мерседесы”, и обездолили народ, произведший тот алюминий.

[XVIII] Ну это вообще глупость, которую Боб Парамонов ляпнул по дурацкой привычке выглядеть не только умным, но еще и остроумным. Но глупость, как шило из мешка, выпирает на свободу благодаря его бездумной приверженности индивидуализму.